

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ

МИХАИЛ ЗАХАРЧУК

МАЙЯ
ПЛИ
СЕЦ
КАЯ

ГРACИЯ
И ВЕЧНОСТЬ

МОСКВА

УДК 792.82:929(470)
ББК 85.335.42(2)6-8
3-38

Фотография на обложке: © Bernard Gotfryd / Gettyimages.ru

Захарчук, Михаил Александрович.

3-38 Майя Плисецкая. Грация и Вечность / Михаил Захарчук. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Великие актеры театра и кино).

ISBN 978-5-04-225879-4

Майя Плисецкая была воплощенной стихией — птицей, рожденной для полета. Ее имя стало синонимом грации, силы и красоты.

Эта книга — нежный и трогательный поклон великой балерине. Перед читателем откроется история триумфа примы, покорившей весь мир, и девочки, которую от детдома спасла любовь тёти и магия балета.

Откровенный, сердечный рассказ о женщине, которой пришлось пройти через страх, боль и испытания в самом начале жизненного пути. Воспоминания о семье, спасшей будущую звезду, о ее первом выступлении и выходе к публике спиной, исполненном в суровой эвакуации в Свердловске.

Особое место в повествовании занимает Родион Щедрин — великий композитор, муж, друг, соратник и единственная опора. Их союз длился более полувека, являясь примером редкой гармонии и верности. Эта любовь согревала и поддерживала Майю сильнее самых бурных оваций.

Книга — для всех, кто верит в чудо балета и хранит в памяти ее царственную осанку и победоносный взгляд.

УДК 792.82:929(470)
ББК 85.335.42(2)6-8

ISBN 978-5-04-225879-4

© Захарчук М.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*М*ного лет назад, а точнее, 15 мая 1978 года, жизнь неожиданно и щедро подарила мне встречу с Майей Михайловной Плисецкой. Память моя с годами, увы, сильно ветшает, но вот то событие я помню, можно сказать, в подробностях, поскольку сильно нестандартным оно оказалось. И тут без ретроспективных подробностей никак не обойтись.

Уже на первом курсе обучения командование Военно-политической академии делегировало меня на общественную работу во Всероссийское театральное общество (ВТО). Поощрило за хорошую учебу, но больше все-таки за то, что я много писал заметок в различные издания и весьма серьезно интересовался искусством. Восполнял, так сказать, себя всем тем, что предоставляла культурная Москва и чего я был лишен, живя в юности в провинции. Руководство ВТО в лице директора Центрального дома актера Александра Моисеевича Эскина и его заместителя Марии Вениаминовны Воловико-

вой по достоинству оценили мой энтузиазм и исполнительство. Ввели в состав Бюро ВТО и поручали проводить самые ответственные мероприятия. Творческий вечер Майи Плисецкой из цикла «Содружество искусства и труда» оказался более чем важным событием для Дома актера. Балерина долго не соглашалась принимать в том творческом вечере участие по причинам, мне до сих пор неизвестным. А когда все-таки дала добро, то выставила ряд условий, первым среди которых было категорическое требование: вести вечер, как всегда, будут не члены Секции зрителей ВТО, а телеведущая «Музыкального киоска» Элеонора Беляева. Эскин распорядился: ни в чем балерине не перечить, делать все, как она велит. В итоге «пострадали» старший лейтенант Захарчук и член бригады по Большому театру Светлана Соколова. Именно они должны были на пару вести творческий вечер. В качестве «компенсации» Светке разрешили уносить цветы, а «военному товарищу», сиречь мне — зачитать балерине приветствие от слушателей академии, после того как выступят Аркадий Райкин, фигуристы Людмила Пахомова и Александр Горшков.

Приветствие я написал в стихах. Они сохранились. Только полностью их цитировать не стану. Хотя с помощью собственной версификации и сорвал продолжительные аплодисменты, поскольку вступил как бы в заочный спор с поэтом Андреем Вознесенским:

«В его стихе Вы палите лишь полпланеты. А мы считаем, что Ваши балеты способны поджечь и всю планету». Вручил Майе Михайловне цветы, папку и поцеловал руку. Она прочувствованно притронулась к моим, в то время еще прилично густым и волнистым волосам. Что и запечатлел на века наш фотограф из Секции зрителей Юрий Петрович Сироткин. Телеведущая «Музыкального киоска» на Центральном телевидении Элеонора Беляева тоже горячо откликнулась: «Какие молодцы наши военные!» (Кроме меня академию представляли слушатели: капитан-лейтенант Николай Синицын и майор Николай Горячев, тоже вручившие балерине цветы). Заготовил я и «рыбу» — подробный отчет о самом мероприятии, краткий очерк о творчестве балерины и несколько вопросов к ней. После завершения творческого вечера его организаторы и виновница торжества выпили немножко шампанского. Кипу цветов, приветственные адреса и собственный материал я отнес в машину и возле нее попрощался с Плисецкой.

На следующий день Майя Михайловна позвонила. Сообщила, что дала ответы на все мои вопросы и пригласила к себе домой. Сейчас, далеко задним числом, я попытаюсь восстановить какие-то моменты того самого первого моего посещения квартиры № 31 на шестом этаже дома еще по улице Горького, 25/9, обратившись к собственному дневнику, кото-

рый веду хоть и спорадически, но уже многим более полувека. И вот что меня тогда поразило больше всего, так это добросердечное простодушие хозяев дома.

Майя Михайловна усадила меня на кухне выпить чаю. Зашел Родион Константинович Щедрин. Мы познакомились, и он сказал: «Надо полагать, что вы теперь с Андрюшей Вознесенским навроде поджигателей?» Из чего я сделал вывод, что он, во-первых, прочитал мое стихотворение. А, во-вторых, простецкое слово «навроде» из уст такого большого человека удивительным образом сразу меня успокоило. Ведь я забыл предупредить своего читателя о том, что с детства страдаю повышенной чувствительностью и возбудимостью. У меня и тремор в руках с молодости. Поэтому, когда приходилось стрелять из автомата или пистолета, подгадывал нажимать спусковой крючок между ударами сердца. Так что, общаясь с Плисецкой и в первый, и во второй раз, я сильно волновался. Вы будете смеяться, но накануне даже телефон ее не мог записать — рука дрожала. Балерина взяла мою книжку и сама вписала: 299-7...-...9. До сих пор храню ту книжку. Короче говоря, неподдельное радушие Плисецкой и Щедрина столь благотворно на меня повлияло, что я взял себя в руки, прибодрился, спокойно пил с ними чай, обстоятельно отвечал на вопросы хозяев и даже... рассказывал веселые байки, поскольку коллекционирую их с техникумовских времен. Не скажу, что Щедрин с Плисецкой смеялись до упаду, но я спинным моз-

гом чувствовал: как минимум, не раздражаю их своим экспрессивным говорением. Короче, покидал я гостеприимный дом балерины и музыканта, словно на крыльях улетал.

С тех пор 37 лет и 352 дня я был обласкан по-настоящему дружеским отношением Майи Михайловны, а с Родионом Константиновичем и до сих пор не прерываю добрых связей. И, знаете, дорогие друзья, вполне отдаю себе отчет в том, что с позиций обыкновенной житейской логики эта наша взаимная симпатия, приязнь, я бы даже сказал особое какое-то взаимное дружелюбие очень непросто объяснить. Ибо где я — профессиональный военный, пусть и журналист, а где они — мировые знаменитости, запросто общавшиеся с президентами и королями.

В год 70-летнего юбилея Плисецкой я предложил своему другу Акраму Муртазаеву, редактировавшему в то время «Новую газету», материал о творчестве Майи Михайловны. Дружбан, с которым мы съели не один килограмм соли, категорически отказал в публикации. «Тебе придется, — сказал он, — половину материала потратить на объяснение, почему именно ты взялся рассказывать о балерине». Вполне возможно, что и сейчас у кого-то из читателей возникнет подобный интерес. У Галины Улановой была такая не то приживалка, не то приемная дочь, не то любовница Татьяна Агафонова, контролировавшая каждый шаг прославленной балерины. Она мне многожды повторяла: «Майор, твое дело

ракеты и не суйся в балеты». Так вот за Щедрина и Плисецкую отвечать на такой вопрос не стану. Не мог же я их спрашивать: почему вы оба так хорошо ко мне относитесь? А о себе скажу следующее. Еще на курсантской скамье я проникся любовью к театру. Ее привил мне мой большой друг, главный художник Театра имени Марии Заньковецкой Мирон Киприян. В молодости он занимался балетом и даже одно время танцевал с Плисецкой. И он мне не раз говорил: «В мире не существует балерины лучше Майки. Провидением она создана для танца». Благодаря тому же Провидению я, познакомившись с Плисецкой, сделал все, что было в моих силах и способностях, для того чтобы не потерять ее благосклонности. За те годы, когда балерина выступала в Большом театре, я не пропустил ни единого ее спектакля, ни единого мероприятия в столице с ее участием. Буквально! Никогда я не приходил на ее выступления без цветов. За истекшие времена я написал о ней сотни, тысячи заметок в различные издания Советского Союза, России и мира. Ни о ком другом я не писал столько, сколько о Плисецкой. На 70-летний юбилей я подарил Майе Михайловне собственными руками переплетенную книгу моих о ней материалов из разных изданий. Балерина всплеснула руками: «Господи, Мишенька, сколько же мы с вами наговорили!» (Композитор и балерина обычно меня называли — Мишенька или милый Михаил Александрович). Мои дневники, о которых уже упоминалось, оцифрованы до миллениума

включительно. Плисецкая в них упоминается 4017 раз. Полагаю, да нет — уверен, что за четверть века после миллениума число упоминаний будет гораздо большее. В это не все поверят, но, когда Майя Михайловна звонила мне из Мюнхена, мы могли разговаривать с ней часами. К слову, в тот же год миллениума я выпустил, пожалуй что, и главную книгу в своей жизни «Встречная полоса. Эпоха. Люди. Суждения». В ней собраны несколько сотен заметок об известных в стране и мире личностях, с которыми меня щедро свела жизнь. Два самых больших очерка — о Плисецкой и Щедрине. И оба они выправили мою рукопись до запятой, к чему я еще вернусь. На обложках книги — портреты 180 героев. Открывается галерея именно фотографиями Плисецкой и Щедрина. Во время моих многочисленных встреч с ними я записывал по горячим следам все, что они мне говорили. Вот так, опять же буквально: приходил домой и тщательно, в подробностях, сколько позволяла память, фиксировал наше общение.

Летом 2022 года в Москве состоялось открытие музея — мемориальной квартиры Майи Плисецкой. Квартира дарована Театральному музею имени А. А. Бахрушина супругом балерины Родионом Щедриным. Она стала двенадцатым филиалом музея. Так вот у меня есть артефакты, касающиеся выдающейся супружеской четы, которых наверняка нет в филиале музея. Скажу без ложной скромности, но и в пору моей капитанской молодости, и в нынеш-

ние мои уже почтенные годы — всегда я отдавал себе отчет в том, с кем имею дело, чьим добрым отношением фортуна меня одарила. Как на духу признаюсь своему читателю: дружба с Родионом Константиновичем и Майей Михайловной — главная гордость моей жизни. Ну и как о таком не поделиться с миром? Что и делаю с превеликим удовольствием. И да поможет мне Господь Бог закончить этот труд...

ЧАСТЬ 1

Майя

Майя Михайловна, обладавшая исключительной памятью, любила вспоминать свое раннее детство. Реже вспоминала отрочество — сплошь трагическое, более того, серьезно ее травмировавшее. На этом, впрочем, мы еще обязательно остановимся. Пока же о другом. Кто читал ее первую книгу «Я, Майя Плисецкая...», тот наверняка обратил внимание на обилие потрясающих подробностей. Примечательно, что она не вела дневников в обычном их понимании. Однако, написав за первой книгой еще две книги воспоминаний, в каждой удивляла нас нюансами, деталями, штрихами, мелочами и тонкостями, более характерными для людей пишущих, а не танцующих. И объяснение этому до примитивизма простое: талантливый человек во всем талантлив. А Плисецкая была гениальной, что бы о ней ни говорили и ни писали как многочисленные поклонники, так и столь же значительный отряд ее не признающих. При этом те и другие не смогут отрицать главного: балерина Пли-